

Маргарита Уральская

Литературный язык и язык художественной литературы

...Нет сомнения, что он [Пушкин] создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением.

И. С. Тургенев

Как-то на одном из заседаний литературного объединения зашёл разговор или даже спор об отличии литературного языка от языка художественной литературы. Кто-то говорил, что это одно и то же, другие сильно возражали. Говорили, что литературный язык всегда богаче разговорной речи. Так ли это? Образованные люди – поэты, писатели – владеют литературным языком.

В эпиграфе, приведённом нами, **поэтический** и **литературный** язык звучат как синонимы. И это справедливо. Но тут есть некоторые нюансы.

Объём языка общенародного значительно шире литературного языка. Ведь письменный литературный язык – явление вторичное. Поэты, писатели часто не придерживаются норм, берут свои образные средства из языка народного, разговорного. Вспомним драматургию А. Н. Островского, Грибоедова, произведения Толстого, Тургенева, Чехова, где герои из народа говорят таким сочным, красочным языком.

Разговорный язык первичен, письменность пришла позднее, и ей тоже в своё время было сопротивление, как сейчас идёт невидимое сопротивление цифровизации.

Все знают, что в IX веке солунские братья Кирилл и Мефодий изобрели славянскую азбуку – кириллицу, и благодаря этому возник рукотворный словенский, церковнославянский, или старославянский, письменный язык. Он, по выражению Вячеслава Иванова, стал *«живым слепком божественной эллинской речи»*. Церковнославянский письменный язык коренным образом отличался от восточнославянской живой разговорной речи. Возник драматический разрыв между собственно русским разговорным языком и книжным, архаичным, тяжеловесным, стремящимся к неподвижности. Прошли века, чтобы в долгих муках защиты народности возник современный наш язык, создателем которого стал А. С. Пушкин. Поэт освободил его от громоздких церковнославянских конструкций, анахронизмов и показал, как можно писать образно, но в то же время легко – так, чтобы понял и аристократ, и крестьянин. Пушкин был против насильственного принобления всего русского ко всему европейскому, но не придавал анафеме любое заимствование. Он не хотел вздыхать по-англицки, любезничать по-французски, фантазировать по-немецки! Он скрестил книжную речь с народной, но отнюдь не культивировал просторечие, диалекты, ограниченный язык высшего общества. Его народность исторична, это освоение всех пригодных и жизнеспособных средств из любых источников.

Тургенев потом говорил, что именно **Пушкин** «дал окончательную обработку нашему **языку**, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым».

...Основа **литературного языка** – живая речь, пропущенная через сито отбора, обработанная мастерами, облагороженная книжностью. Эта истина открылась Пушкину – всесторонне освоить сокровища народной речи, утвердить мудрое чувство меры, благородную прелесть нагой простоты, точности, краткости, искренности выражения: *«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности»*. Достоинства прозы – в мыслях, а не в украшениях. Он дал, как и И. Крылов в баснях и А. Грибоедов в комедии, гениальные образцы действительно нового языка и слога – в поэзии и прозе. Слог тем лучше, чем проще: *«И в поэтический бокал воды я много подмешал...»* (В. Костомаров, Жизнь языка. – М., 1984)

Пушкин считал не владеющего книжностью не знающим языка, но в то же время **призывал учиться языку у московских просвирен**, которые говорят удивительно чистым и правильным языком.

Вот как написано об этом у академика В. Г. Костомарова: «Так уж случилось, что вырос наш общий язык из беллетристики. Его и стали называть литературным. Лет сто тому назад ректор Московского университета впервые прочитал курс лекций философии по-русски, а не по-латыни. Он мудро считал, что изобилие русского языка таково, что пред нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, коею бы по-русски изъяснить было невозможно... Все пишущие по-русски обязаны пользоваться тем единым языком, который выкристаллизовали сочинители, художественно облагородив все лучшее, жизнеспособное из русских речевых ресурсов. Тут и научные термины: *рефлексия, абстракция, хронический* и народные обороты: *ждет-пождет, знай колет, заведомо, битый час, надоедать, заядлый, неудачник* (впервые у

И. А. Гончарова в «Обрыве»). Приживаются даже диалектные слова: *каравай, бирюк, тайга*. Они утверждают самобытность и чистоту и сливают язык образованный и народный.

Красна девица, добрый молодец, очи соколиные, играючи да пируючи, людская молвь и конский топ, есть разгуляться где на воле.

Вот прелесть русского языка!»

А вот известный всем отрывок из пушкинского романа:

Зима!.. Крестьянин *торжествуя*,
На дровнях *обновляет* путь...

.....

Бразды пушистые взрывая,
Летит *кибитка* удалая;
Ямщик сидит на облучке
В *тулупе*, в красном *кушаке*.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил *пальчик*:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

В этом отрывке мы видим и **церковнославянизмы**: *обновляет, торжествуя, бразды, преобразив*, и **просторечные** слова: *шалун, пальчик*. Есть и заимствованные слова, **тюркизмы**: *ямщик, кибитка, кушак, тулуп*. Основная же масса слов общеславянского происхождения. То есть Пушкин гармонизировал язык, в поэзию вместил много его слоев, понятных современнику и нам, сегодняшним носителям национального языка.

В языкознании до сих пор нет чёткости в разграничении литературного языка и языка художественной литературы. В учебных пособиях **язык художественной литературы** отно-

сят к одному из стилей литературного языка. Этим вопросам были посвящены работы выдающихся советских лингвистов – академика В. В. Виноградова, В. Д. Левина, Г. О. Винокура, затем Д. Н. Шмелева, В. Г. Костомарова и др.

Разграничение литературного языка и языка художественной литературы основывается на различии в их функциях: литературный язык (как, впрочем и диалекты, и просторечие) выполняет преимущественно коммуникативную функцию – служит для общения людей. В языке художественной литературы («поэтическом языке») отчётливо проступает другая функция – эстетическая (эстетического воздействия на читателя при помощи специального образного содержания). Конечно, и здесь есть форма сообщения, то есть выполняется и коммуникативная функция языка, но эта форма сама по себе становится значимой для выражения образного содержания и идейно-художественного замысла, то есть становится эстетически мотивированной. Это даже и внелитературные экспрессивно-стилистические средства языка, такие, как звукопись в поэзии, диалектизмы, историзмы для характеристики персонажей, создания исторического, местного колорита и т.д.

Как справедливо пишет Д. Н. Шмелев, «самое это противопоставление основано на совершенно правильной мысли об особом качестве языка в художественной литературе, выступающего здесь в своей эстетической функции. Поэтому самое это противопоставление в его сущности не следует понимать буквально как противопоставление двух каких-то равноправных «языков», эта формулировка – своего рода метафора, выражающая, при правильном ее истолковании, лишь то, что в художественной литературе язык выступает в особой функции, не сводимой к другим его функциям» (Д. Н. Шмелев, *Слово и образ*. Изд-во «Наука», 1964, стр. 99).

Но в 50-е годы прошлого столетия наметился отход от анализа формально-функционального своеобразия художественной речи, центр тяжести был перенесён на анализ идейного содержания и системы образов как таковой, без анализа языковых средств. Язык художественной литературы стал рассматриваться как один из стилей литературного языка, имеющего свои стандарты и нормы. Это стало препятствием в развитии лингвистики.

Как показывают работы выдающихся лингвистов XX века, язык художественной литературы не может быть включён в литературный язык как один из его стилей не только из-за различия в их функциях, но, и как следствие этого, потому, что **язык художественной литературы не представляет собой «системы стилистически однородных явлений**, не опирается на специфическую для него соотносительную окраску языковых средств и принципиально **лишен всякой стилистической замкнутости»** (В. Д. Левин. *О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка*. В сб. «Вопросы культуры речи» изд-во АН СССР, 1955 г.). Скажут, статья написана давно. Но это не меняет сути и правдивости тезиса. Элементы любого стиля литературного языка, больше того, любые внелитературные элементы могут употребляться в языке художественной литературы, если они эстетически мотивированы, если соблюдаются «соразмерность и сообразность» в их употреблении. Примеры:

Н. Островский, «Свои люди – сочтемся»

Устинья Наумовна, сваха: ...Измучилась я нынче **день-то деньской**, с раннего утра словно **отымалка** какая **мычуся**. А ведь и **проминовать** ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек – живая тварь; тому невеста понадобилась, той

жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит – всё я же. Оттого, что так уж видно устроено, – от начала мира этокое колесо заведено.

Там же Аграфена Кондратьевна, *купчиха* – дочери Липочке: *... Молчи, молчи, тарант Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме у тебя всё не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!*

Это просторечная, народная лексика

В. Маяковский:

– Я планов наших люблю *громадьё*, размаха шаги *саженьны*... (поэма «Хорошо!»).

Партия – это рука *миллионнопалая*, сжатая в один громящий кулак... (поэма «Владимир Ильич Ленин»).

Вокруг меня авто *фантастят* танец, вокруг меня – из *зверорыбьих* морд – еще с Людовиков свистит вода, *фонтанясь* (Стих. «Париж»).

Выделены авторские неологизмы.

В. Астафьев, «Последний поклон»

Река начинала *гуркотать* – резвиться, плескаться, *сталистая* от росы трава, *бАрцать* – сбивать кедровые шишки, *баланда* – суп из лебеды, свеклы или другой огородной зелени, *зАимка* – отдельная усадьба вдали от населённого пункта, *мАтица* – несущая балка в доме, на воротах, *слега* – толстая жердь, брус, *салик* – легкий охотничий плот, *куржак*, *куржавей*, *куржавень* – иней, изморозь на деревьях, на ветках, *россоха* – узкий проход между горами, *дыророты*, *полоротый* – невнимательный, *хитрован* – себе на уме, *обрАдел* – обрадовался, *курат* – как раз, *чужая обутка*, *схорониться* – спрятаться, *барабу несёт* – чушь всякую говорит.

ственной литературы, национального языка, литературного языка с его стилями и внелитературных элементов.

Комментарий автора к этой схеме: «Основным ядром национального языка являются общеупотребительные, нейтральные элементы, равно входящие в любые пласты языка и делающие национальный язык именно системой стилей, а не их совокупностью.

Следующий объём – литературный язык, как и весь национальный язык, включающий в себя устную и письменную разновидности. Его коммуникативная функция как бы возведена в квадрат тем обстоятельством, что он, как никакое другое проявление языка, выполняет роль всеобщего посредника в обмене информацией между самыми различными по социальному положению и территориальному признаку носителями языка. Отсюда его **строгая нормативность, стабильность и стандартность**. Естественно, что язык-посредник оказывается языком «осредненным», лишенным в значительной степени ярких красок и тонкой смысловой дифференциации, свойственных другим языковым пластам. В то же время было бы неправильным говорить, что литературный язык беден по сравнению с другими языковыми пластами. Нет, он очень богат и гибок, предоставляет говорящему и пишущему широчайшие возможности в осуществлении коммуникативной и эстетической функций, но лишь в пределах языка-посредника».

Автор статьи безоговорочно не относит к литературному языку язык науки с массой непонятных всем носителям языка научных терминов, а также книжные устарелые слова (историзмы и архаизмы), так как они обычно не употребляются носителями литературного языка или также непонятны.

Можно и упростить данную схему:

Русский народный разговорный язык + письменный книжный старославянский -----> язык художественной литературы -----> литературный язык.

Итак, мы имеем **язык художественной литературы**, выступающий главным образом в своей **эстетической функции**, и **литературный**, выросший на основе языка художественной литературы, **упорядоченный, рукотворный язык**, иначе говоря, **нормированный**. Есть классическое определение нормы у С. И. Ожегова:

«Норма – это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов... из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов».

Норма – обязательна для носителей литературного языка, она устойчива и нужна для пользования социумом. Люди должны в общении пользоваться нормами, хотя это не всегда им нравится, особенно поэтам и писателям, которые хотят выразить себя в своём творчестве. Норма всё же меньше объёма национального языка, меняется она медленно и незаметно для носителей языка. А язык русский, «великий и могучий», Гоголь уподоблял океану, беспредельному и подвижному. М. В. Ломоносов говорил о способности русского языка выполнять все функции, которые по отдельности показывают его превосходство перед тем или иным языком, потому как им прилично говорить и с Богом, и с женским полом, и с неприятелем, и друзьями.